

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лабузовой Елены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта «б» части первой статьи 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

11 ноября 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, Е.В.Тарибо,

заслушав сообщение судьи К.Б.Калиновского, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки Е.В.Лабузовой,

установил:

1. Гражданка Е.В.Лабузова оспаривает конституционность положений пункта «б» части первой статьи 104¹ «Конфискация имущества» УК Российской Федерации, согласно которым конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения преступлений, в том числе предусмотренных статьями 174¹ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» и 290 «Получение взятки» данного

Кодекса, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы.

Из представленных материалов следует, что постановлением районного суда от 12 мая 2023 года (оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций) прекращено уголовное дело в отношении отца заявительницы – гражданина Л. в связи с его смертью. Он обвинялся, в частности, в получении взяток и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных им в результате совершения преступлений. Этим же судебным решением постановлено конфисковать, обращая в собственность государства, земельный участок иозведенный на нем жилой дом.

Как установили суды, Л. на полученные в результате совершения преступлений деньги приобрел земельный участок площадью 855 кв. м, к которому впоследствии были присоединены земельные участки, приобретенные на средства семьи; общая площадь преобразованного земельного участка составила 1171 кв. м. Также в качестве получения взятки было осуществлено строительство на этом земельном участке жилого дома за счет средств взяткодателя, а их общая сумма, потраченная им на строительство и отделку этого дома, составила свыше 48 млн руб. Право собственности на земельный участок и жилой дом было зарегистрировано за Е.В.Лабузовой. Суд также учел, что в строительство жилого дома были вложены и собственные денежные средства Л. в размере 4 838 250 руб. и что на земельном участке возведены другие объекты недвижимости. Тем самым суд пришел к выводу о том, что имущество, полученное в результате преступлений, было преобразовано, а построенные за счет средств Е.В.Лабузовой вспомогательные постройки (забор, баня, беседка, домик) являются неотделимыми улучшениями.

При этом суды всех инстанций исходили из того, что Л., являясь фактическим владельцем земельного участка и расположенного на нем жилого дома, владея и пользуясь ими, в целях сокрытия преступного характера происхождения имущества обеспечил переход прав на эти объекты

недвижимости на свою дочь, присоединение земельных участков к первичному земельному участку происходило под его непосредственным контролем, он координировал действия участвующих в этих действиях лиц, а фактическая передача имущества Е.В.Лабузовой не состоялась. Обстоятельства дела, включая установленный судом размер законных доходов Е.В.Лабузовой, ее отца и матери, не позволявший им реализовать строительство данного дома, свидетельствовали о том, что она должна была знать, что строительство жилого дома производится на денежные средства, полученные ее отцом преступным путем.

Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2024 года отказано в передаче кассационной жалобы, поданной в интересах Е.В.Лабузовой, для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, с чем согласился заместитель Председателя этого суда, указавший, в частности, что предметом взятки выступали денежные средства, переданные на приобретение земельного участка и потраченные взяткодателем на строительство и отделку жилого дома, т.е. что это имущество получено в результате совершения преступления, а в последующем преобразовано (письмо от 26 сентября 2024 года).

Е.В.Лабузова просит признать положения пункта «б» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации не соответствующими статьям 8 (часть 2), 9 (часть 2), 35 (части 1 и 3), 36 (части 1 и 2), 45 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют конфисковать имущество, которое приобретено законным путем и приобщено к имуществу, полученному в результате совершения преступления.

2. Принятие эффективных мер по противодействию коррупции является одним из важнейших условий обеспечения конституционной законности, правового равенства, взаимного доверия государства и общества (статья 15, часть 2; статья 19, часть 1; статья 75¹ Конституции Российской Федерации). Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что правовая демократия, чтобы быть устойчивой, нуждается в действенных средствах ее охраны от злоупотреблений и криминализации публичной власти,

легитимность которой во многом обусловлена доверием народа. Россия как правовое демократическое государство призвана принимать надлежащие меры для обеспечения безопасности личности, общества и государства от противоправных посягательств, которые затрагивают права и свободы личности и одновременно направлены против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также меры для противодействия коррупции, включая предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции (статья 71, пункты «в», «г», «м», «о», Конституции Российской Федерации) (постановления от 10 октября 2013 года № 20-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П, от 4 июля 2022 года № 27-П и от 1 октября 2024 года № 42-П).

Многоаспектность негативного воздействия коррупции на жизнь общества и государства позволяет отнести ее к числу особенно опасных социальных явлений. Применяемые наряду с прочим уголовно-правовые меры преследуют конституционно значимую публичную цель борьбы с действиями коррупционной направленности. Они ориентированы на обеспечение эффективного функционирования механизма народовластия и правового государства, на защиту демократического строя (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 года № 49-П).

Одной из таких мер является конфискация имущества, которая, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему (Постановление от 7 марта 2017 года № 5-П). Отсутствие конфискации в перечне наказаний, установленных Уголовным кодексом Российской Федерации, само по себе не исключает с учетом задач уголовного закона возможности принудительного прекращения по судебному решению права собственности на принадлежащие обвиняемому на праве собственности орудия преступления, иные средства его совершения, предметы преступления. По смыслу предусмотренного частью первой статьи

104¹ УК Российской Федерации правового регулирования конфискация является мерой публично-правового принуждения при привлечении лица к уголовной ответственности за соответствующее преступление, дифференцированное применение которой – в отличие от уголовных санкций, предусмотренных Особенной частью названного Кодекса, – не предполагается, в том числе исходя из обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих степень общественной опасности деяния, инкриминируемого лицу, либо лица, совершившего соответствующее деяние (Постановление от 30 мая 2025 года № 25-П). Сохранение же в пользовании виновного лица денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, потенциально способствовало бы такому общественно опасному и противоправному поведению, а потому противоречило бы достижению задач Уголовного кодекса Российской Федерации (часть первая его статьи 2) (Определение от 26 ноября 2018 года № 2855-О).

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П сформулировал правовую позицию, согласно которой последующее превращение или преобразование имущества, приобретенного в нарушение антикоррупционных требований и запретов, и доходов от него в иное имущество, в том числе приумножение такого имущества (включая имущественные объекты) не исключают применения к такому имуществу мер, направленных на его обращение в доход государства. Иное – с учетом того, что стоимость имущества, полученного в результате такого преобразования, может значительно превышать стоимость первоначально приобретенных благ, – означало бы, по существу, возможность легализации незаконных доходов вопреки принципам противодействия коррупции и положениям статей 1 (часть 1), 2, 3 (часть 1), 8 и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Соответствующее регулирование закреплено в пункте «б» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации, который в необходимых случаях переносит конфискацию с предмета преступления на деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения хотя бы одного из преступлений,

предусмотренных статьями, указанными в пункте «а» той же части, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы.

Соответственно, конфискация как имущества, полученного в результате совершения коррупционных преступлений, так и имущества, в которое оно преобразовано или превращено, направлена прежде всего на предупреждение незаконного (преступного) обогащения должностных лиц или связанных с ними лиц, ставших выгодоприобретателями от таких преступлений, и не предполагает ни оставления в их пользовании такого имущества (поскольку никто не может извлекать выгод из своего противоправного поведения), ни дифференцированного ее применения, распространяясь на весь объем имущества, преступного по своему происхождению. Конфискация такого имущества по ее целевому предназначению отвечает требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и адекватна общественной опасности взяточничества и прикосновенных к нему (последующих за ним) деяний, поскольку характер и степень ограничения права могут быть обусловлены в том числе уровнем тех угроз и рисков, на преодоление которых ограничение направлено, а также степенью (видами) противоправности и формами проявления тех действий субъектов правоотношений, реакцией на которые выступает ограничение права (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 года № 49-П).

3. В отношении лиц, не признанных виновными в совершении коррупционного преступления (или иного из преступлений, перечисленных в пункте «а» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации), уголовный закон допускает применение конфискации на основании части третьей статьи 104¹ УК Российской Федерации, которая предписывает конфискацию имущества, переданного осужденным другому лицу (организации), только в случае, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, данное законоположение не предполагает распространение нормы о конфискации на имущество иных

(помимо прямо указанных в ней) лиц, включая добросовестных приобретателей (определения от 23 июня 2015 года № 1520-О и от 28 сентября 2021 года № 2114-О). При этом по смыслу пункта 8 части первой статьи 73 УПК Российской Федерации и в соответствии с принципом законности, предъявляющим требования обоснованности и мотивированности к судебным решениям (часть четвертая статьи 7 этого Кодекса), факт того, что лицо, принявшее имущество, которое подлежит конфискации, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий, требует доказывания в рамках уголовного дела.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 30 мая 2025 года № 25-П, само по себе осознание того, что совершение преступления влечет такое последствие, как конфискация имущества, подкрепленное сведениями о реальных случаях, когда такие последствия наступают, выступает фактором сдерживания преступлений. Более того, и для лица, которое само не причастно к совершению преступления, но осознает получение имущества именно в результате его совершения, это является дополнительным стимулом для принятия мер по отказу от принятия имущества или от получения доходов от такого имущества.

Данный подход распространяется и на участие непричастного к совершению коррупционного преступления или легализации предмета, полученного в его результате, лица в преобразовании или превращении предмета такого преступления в иное имущество. Во всяком случае лицо, непричастное к преступлению и к получению имущества в результате его совершения, но которое знало или должно было знать о его приобретении в результате преступных действий и которому передано это имущество либо имущество, во что предмет такого преступления был преобразован или превращен, и (или) которое получило доходы от него, исходя из части третьей статьи 104¹ УК Российской Федерации не лишено возможности осознавать, что такое имущество и все доходы от него подлежат конфискации.

Данный подход созвучен с тем, что в ряде решений Конституционный Суд Российской Федерации указал на недопустимость – как противоречащего основам российской правовой системы – такого использования защиты закона и суда, которое осуществлялось бы вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотреблений правом в случае, если притязания лица на применение в его отношении юридических средств защиты, предоставленных действующим правовым регулированием, основаны на их недобросовестном использовании в противоправных целях. Иное позволяло бы вопреки назначению правового государства и правосудия извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (постановления от 10 марта 2022 года № 10-П, от 30 октября 2023 года № 50-П и от 31 октября 2024 года № 49-П).

4. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, а также в установленном этим Кодексом случаях жилые и нежилые помещения (пункт 1 статьи 130); вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части (пункт 1 статьи 133); недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый комплекс, к которому применяются правила о неделимых вещах (статья 133¹).

Земельное законодательство и обусловленное им правовое регулирование исходят из принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, что объективно предопределено тесной связью земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11

февраля 2019 года № 9-П и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2019 года № 2970-О).

Соответственно, как строительство за счет коррупционного преступления объекта недвижимости на земельном участке, так и возведение любых сооружений на земельном участке, приобретенном в результате совершения преступления лицом, которое знало или должно было знать о преступном происхождении такого имущества, предполагает единство правовой судьбы этого имущества, что не может не учитываться в правовом регулировании уголовно-правовых последствий совершаемых противоправных деяний.

Тем более не может влиять на правовую судьбу такого имущества внесение неотделимых улучшений в объекты недвижимости, преступные по своему происхождению или представляющие собой результат последующего за преступлением преобразования или превращения в них предмета преступления. Специфика неотделимых улучшений заключается в том, что они, будучи интегрированными в движимую или недвижимую вещь, становятся ее частью как объекта права собственности и не могут быть отделены без вреда для имущества. Возврат же стоимости неотделимых улучшений возможен только в отношении лица, действовавшего при внесении таких улучшений добросовестно.

Соответственно, лицо, которому передано имущество, полученное в результате совершения преступлений, предусмотренных статьями, указанными в пункте «а» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации (в том числе взяточничества и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления), либо в результате преобразования или превращения предмета такого преступления или доходов от него в иное имущество, если это лицо знало или должно было знать о преступном происхождении первоначального имущества, не лишено возможности осознавать как уголовно-правовые последствия в виде обязательной конфискации такого имущества, так и их распространение не только на это

имущество в его первоначальном виде, но и на все результаты его преобразования или превращения, извлеченные из него доходы, а также последующие улучшения, неотделимые от него.

Такой же смысл оспариваемым законоположениям придается и в судебной практике (например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2021 года № 81-УД21-12-К8; кассационные определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 ноября 2023 года по делу № 77-2582/2023, от 28 мая 2024 года по делу № 77-1091/2024 и др.).

Поскольку как получение взятки, так и легализация ее предмета не предполагают правомерного возникновения права собственности, поскольку этот предмет, а равно полученные от него доходы либо имущество, из него преобразованное или превращенное, не могут быть оставлены в пользовании ни лица, получившего взятку, ни лица, которому по указанию взяткополучателя такой предмет или легализованное имущество переданы. При этом если иные лица, знаяшие о преступном происхождении имущества, вложили в него собственные денежные средства, то это не может исключать конфискацию всего имущества, образующего неделимый имущественный комплекс.

Это соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о том, что гарантии права собственности, закрепленные в статье 35 Конституции Российской Федерации, предоставляются лишь в отношении права, возникшего на законных основаниях (постановления от 11 марта 1998 года № 8-П и от 11 ноября 2021 года № 48-П; определения от 25 марта 2004 года № 85-О, от 13 октября 2009 года № 1276-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1071-О-О, от 20 ноября 2014 года № 2590-О, от 28 января 2016 года № 141-О и др.), а также основанному на смысле закона (в частности, гражданского и земельного законодательства) подходу, согласно которому возмещение стоимости неотделимых улучшений не гарантируется лицу, чье поведение отклоняется от принятых стандартов добросовестности: в силу подпункта 2 пункта 8 статьи 56⁸ Земельного

кодекса Российской Федерации при определении размера возмещения по общему правилу не учитываются неотделимые улучшения участка и объектов недвижимости, произведенные после уведомления правообладателя об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Право требовать возмещения произведенных неотделимых улучшений имущества при его возврате из незаконного владения собственнику имеет только добросовестный владелец (часть третья статьи 303 ГК Российской Федерации). В соответствии с пунктом 3 статьи 623 ГК Российской Федерации стоимость неотделимых улучшений арендованного имущества, произведенных арендатором без согласия арендодателя, возмещению не подлежит.

Таким образом, положения пункта «б» части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации не могут расцениваться в качестве нарушающих конституционные права заявительницы, в деле которой судами установлено то обстоятельство, что она осознавала, что строительство жилого дома производится на денежные средства, полученные ее отцом преступным путем; являясь лишь номинальным собственником земельного участка и жилого дома, Е.В.Лабузова в этом доме не проживала, а фактическим владельцем данного недвижимого имущества всегда был Л.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о предел:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лабузовой Елены Вячеславовны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 2917-О